

Себастьян, наследный принц Алусии, прибывает в Англию, чтобы подписать торговое соглашение и найти себе невесту. На балу-маскараде он сталкивается с очаровательной особой — Элизой, дочерью судьи. Однако во время первого знакомства искра любви не вспыхнула в их сердцах. И судьба, возможно, развела бы их навсегда, если бы не загадочное убийство личного секретаря принца. Себастьян и Элиза оказываются в самом центре событий. Принц замечает, что его тянет к этой красивой, умной и гордой девушке. К той, которая смогла разглядеть в нем не только наследного принца и завидную партию, но и мужчину, отчаянно мечтающего о любви...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-7679-6

Джулия Лондон

Замуж за принца

Любовь нельзя
запланировать...

Замуж
за принца

ДЖУЛИЯ ЛОНДОН

JULIA LONDON

*The
Princess
Plan*

A Novel

Джулия Лондон

Замуж
за принца

Роман

УДК 821.111
Л76

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

All rights reserved including the right
of reproduction in whole, or in part in any form.
This edition is published by arrangement with Harlequin Books S.A.
This is a work of fiction. Names, characters, places
and incidents are either the product of the author's imagination,
or are used fictitiously, and any resemblance
to actual persons, living or dead, business establishments, events,
or locales are entirely coincidental

Переведено по изданию:
London J. The Princess Plan: A Novel / Julia London. — Toronto :
HQBooks, 2019. — 392 p.

Перевод с английского *Инны Паненко*

ISBN 978-617-12-7679-6
ISBN 978-1-335-04153-1 (англ.)

© Dinah Dinwiddie, 2019
© Jon Paul, 2020
© Hemiro Ltd, издание на
русском языке, 2020
© Книжный Клуб «Клуб
Семейного Досуга», худ-
ожественное оформле-
ние, 2020

Глава I

Лондон, 1845 год

Уже давно весь Лондон с глубочайшим интересом и непрестанно возрастающим нетерпением ожидал прибытия Себастьяна, наследного принца Алусии. Теперь же лондонцы горячо стремятся узреть его высочество хотя бы издали. Ее величество изволила почтить августейшую особу парадным обедом в Виндзорском замке. Чествовать прибывшего были допущены сто шестьдесят гостей, коих разместили за пиршественными столами в зале Святого Георгия, украшенном всеми эмблемами ордена Подвязки. К услугам пирующих имелось две тысячи серебряных ножей, вилок и ложек, тысяча хрустальных бокалов и кубков. Главное блюдо — жареный ягненок с картофелем — подавалось на серебряных тарелках, за ним же последовали самые изысканные фрукты в вазах французского фаянса.

Нашей глубокочтимой королеве Виктории принц Себастьян преподнес дар своего царственного родителя — огромную вазу, целиком высеченную из алусианского малахита. С горлышка означенной вазы свешивались во множестве тончайшие золотые нити.

Алусианские дамы явились на прием в облегающих платьях из плотного шелка, с весьма длинными шлейфами, низ коих для облегчения ходьбы был пристегнут пуговицами к талии. Волосы их были уложены на затылке в сложный узел. Кавалеры свиты его высочества облачены были в парадные фраки из тончайшей черной шерсти, а фалды простирались длиной до середины икр, жилеты

же, сплошь затканые золотыми и серебряными нитями, доходили до бедер.

Газеты сообщали, что принц Себастьян «весьма высок ростом и широк в плечах, лицо же имеет квадратное, с аккуратно подстриженной бородкой. У него очень густая шелюра чайного цвета, глаза же имеют оттенок мха». Последняя черта может быть истолкована проницательной читательницей как нежно-зеленый цвет. Высказывалось мнение, что принц выглядит истинно по-царски, главным образом благодаря обилию орденских лент и медалей, соответствующих его высокому происхождению и положению.

*Дамская газета мод и домашнего хозяйства
г-жи Ханикатт*

Достопочтенный судья Уильям Триклбэнк, вдовец, судья Высокого суда королевской скамьи на службе ее величества, почти ослеп, его зрение с годами настолько ухудшилось, что он с трудом различал лишь разнообразные оттенки серого. Он не мог даже собственную руку разглядеть, и поэтому его старшая дочь, мисс Элиза Триклбэнк, читала для него все бумаги вслух.

Вдобавок Элиза прибегла к помощи Поппи, их экономки, которая стала для них не просто служанкой, а скорее членом семьи с тех пор, как лет двадцать назад, потеряв родителей, появилась в их доме. Вместе они протянули вдоль стен, где-то в метре от пола, веревки и ленты по всему лондонскому дому, и судье оставалось только держаться рукой за них, чтобы передвигаться из комнаты в комнату. На пути часто встречались помехи в виде двух собачек, неутомимых в своем желании хоть как-то ему помочь. И кот, который, по-видимому, желал ему скорейшей смерти, поскольку слишком часто оказывался на пути у судьи, или запрыгивал тому на колени, когда судья садился, или запутывал нитки, когда тот занимался своим любимым делом — вязанием, пока дочь читала ему вслух. Иногда кот так же незаметно разматывал клубки пряжи.

В добром здравии судье не давали пребывать его собственные дочери: все еще незамужняя Элиза и ее младшая сестра Холлис, известная как вдова Ханикатт. Они частенько собирались здесь, и судье казалось, что в доме тогда становилось чересчур весело и то и дело слышался пронзительный визг. Его дочери не соглашались с тем, что они визжат, а пеняли ему на то, что он уже преклонных лет и его легко напугать. Но слух у судьи, в отличие от его зрения, был превосходным, а эти две пигалицы действительно визжали и громко смеялись. *Частенько.*

В свои двадцать восемь лет Элиза оставалась не замужем, и факт сей уже давно печалил судью. Случилась у нее неприятная и довольно постыдная размолвка с неким господином Ашером Дотоном-Крессом, который, как считал судья, поступил крайне низко. Но с тех пор прошло уже десять лет. До этого Элиза была рассудительной и послушной юной леди, но, когда ее сердце оказалось разбитым, она отбросила всякую почтительность. За последние несколько лет она ожила и стала беззаботной. Отец надеялся, что подобное поведение привлечет к ней многочисленных поклонников, но, к сожалению, этого не случилось. Со времен печально известного скандала у Элизы был всего один поклонник, старше ее на целых пятнадцать лет. Мистер Норрис настойчиво наносил им ежедневные визиты, но однажды почему-то не явился. Когда судья выказал удивление по поводу его отсутствия, Элиза ответила: «Его сюда влекла не любовь, папочка. Я предпочитаю остаться дома и с большей охотой буду присматривать за тобой, ибо подозреваю, что это потребует от меня меньше сил и времени, чем быть его супругой».

Его младшая дочь, Холлис, как это ни печально, всего через два года после замужества овдовела. Детей в этом браке так и не случилось. И хотя Холлис жила отдельно, она, расточая остроты, по меньшей мере раз, а то и два-три раза в день всенепременно навещала отца. Он бы предпочел, чтобы младшая дочь вновь вышла замуж, но Холлис

настаивала на том, что в этом деле спешить не стоит. Судья видел, что его младшая дочь предпочитает компанию сестры общению с любимым мужчиной.

Его дочери были, как говорится, не разлей вода, и к тому же обе любили ввязываться в авантюры, которые судья совершенно не одобрял. Но Уильям Триклбэнк почти ослеп, и дочери были решительно настроены поступать так, как им заблагорассудится, несмотря на все запреты отца. Осознав, что у него ничего не получается, судья оставил попытки взывать к их благоразумию.

Сомнительным занятием, которым увлеклись его дочери, он считал выпуск дамской газеты. Триклбэнк полагал, что дамам вообще газета ни к чему, не говоря уж о газетенке, где обсуждались такие фривольности, как последние новости моды, сплетни и вопросы красоты. Но что бы он ни говорил, его дочери все пропускали мимо ушей. Слишком увлеченные этим предприятием, они уверяли отца, что и весь остальной Лондон давно сбросил оковы условностей.

Саму газету основал супруг Холлис, сэр Персиваль Ханикатт. Только ранее сэр Персиваль издавал газету совершенно иного содержания, в которой освещались последние политические и финансовые новости. По мнению судьи, *это* можно было считать полезным изданием.

Смерть сэра Персиваля произошла из-за трагической случайности: его экипаж соскользнул с дороги в разлившуюся после дождя реку. В результате утонула и отличная пара лошадей серой масти. Для всех случившееся стало огромным потрясением, а судья не на шутку встревожился о том, сможет ли Холлис справиться с такой тяжелой утратой. Но Холлис проявила железный характер и свое горе направила на попытки увековечить доброе имя супруга. Но, будучи еще молодой женщиной и не имея образования, которое пристало иметь мужчинам, она, как того и следовало ожидать, ничего не смыслила в хитросплетениях политики или финансовых вопросах, а потому перевернула издание с ног на голову и посвятила его темам, которые интересовали исклю-

чительно женщин. Поэтому неудивительно, что в газете публиковались лишь рассказы о новинках моды и последние сплетни, обсуждавшиеся в высших слоях лондонского общества. У судьи создалось впечатление, что дела мирового масштаба женщин вообще заботят мало.

Однако судья не мог отрицать того удивительного факта, что тираж газеты, которую выпускала Холлис, раскупался намного быстрее, чем когда-то газета ее супруга. Дела газеты шли настолько хорошо, что Элизе пришлось помогать сестре, чтобы та могла выпускать свою газету еженедельно. Уильям Триклбэнк постоянно дивился, что представители высшего света отчаянно стремятся к тому, чтобы их имена упомянули на страницах газеты.

Сегодня его дочери пребывали в необычайном волнении, поскольку им удалось заполучить желанное приглашение на бал-маскарад, который устраивал герцог Мальборо в честь коронованного принца Алусии. Могло сложиться впечатление, что земля перестала вращаться вокруг своей оси, и небеса разверзлись, и моря отступили от берега, потому что самый важный из всех наследных принцев явил себя Лондону, осчастливив англичан своим присутствием.

Бред сивой кобылы.

Всем было известно, что принц прибыл сюда для того, чтобы заключить с английским правительством от имени короля Карла важную торговую сделку. Алусия — маленькое, но при этом впечатляюще богатое европейское государство, которое приобрело широкую известность благодаря непрекращающимся распрям с соседним государством — Веслорией. Эти два государства вели между собой постоянную войну, такую же обременительную и исполненную взаимных претензий, как война между Англией и Францией.

Из газет судья узнал, что наследный принц, будучи в Алусии поборником всяческого прогресса, стал инициатором предложенного торгового соглашения. Принц Себастьян видел залог дальнейшего процветания Алусии в том, что в обмен на хлопок и железную руду она будет получать

промышленные товары. Но дочери уверяли судью, что не это являлось главным предметом торговых переговоров. Самое *главное* заключалось в том, что принц прибыл для заключения брачного союза.

— Об этом только и разговоров, — настаивала Холлис за ужином у отца.

— Милая моя, откуда же *всем* известно о намерениях принца? — поинтересовался судья, поглаживая сидящего у него на коленях кота Приса. Изначально, когда семья решила, что это кошечка, ее назвали Принцессой. Но когда их управдом Бен обнаружил, что Принцесса в действительности самец, кот, Элиза сказала, что уже поздно менять имя. Поэтому имя сократили до Прис. — Он что, оповестил всех письмом? Поместил объявление в «Таймс»?

— Так уверяет *Каро*, — возразила Холлис, как будто и дураку должно было быть понятно, откуда она черпает информацию. — А она знает все и обо всех, папочка.

— Ах, вот как! Ну, если так утверждает Каро, то, вне всякого сомнения, это истинная правда.

— Ты должен признать, что она редко ошибается, — парировала Холлис, сдерживая раздражение.

Каро, или леди Каролина Хок, закадычная подруга его дочерей, так часто бывала в доме Триклбэнков, что судье казалось, что у него не две, а три дочери.

Каролина была единственной сестрой лорда Беккетта Хока, который являлся к тому же и ее опекуном. Когда-то в Лондоне вспыхнула эпидемия холеры, и матушку Каро, как и матушку его дочерей, унесла болезнь. Амелия, его супруга, и леди Хок были добрыми приятельницами. Когда Амелия заболела, они отослали детей в летнее имение Хокков. Леди Хок осталась, чтобы ухаживать за своей подругой, и в итоге обеих женщин сразила болезнь.

Лорд Хок был предприимчивым молодым лордом и политиком, известным своими прогрессивными идеями в палате лордов. По словам Холлис, он был довольно красив, известен и его всюду охотно принимали. Это можно было

сказать и о его сестре. Каролина тоже была хорошенькой, поэтому, как подозревал судья, ее благосклонно встречали многочисленные друзья брата.

Но Каролина, казалось, действительно знала всех и вся в Лондоне и постоянно навещала Триклбэнков, чтобы поделиться сплетнями, которые она собрала в Мэйфэр¹. Девицей она была усердной — будучи приглашенной в один салон, Каролина успевала заглянуть в три. Судья предполагал, что брату ее едва ли стоило беспокоиться о том, чтобы наполнять провиантом буфеты, поскольку эти двое почти каждый день обедали в каком-нибудь доме в компании еще двадцати трех гостей, а ужинали в другом, в компании еще пятнадцати. Оставалось только диву даваться, что Каролина не превратилась в аппетитную пышечку.

А, быть может, она такую и была. Правду сказать, для судьи она сейчас была просто очередной тенью.

— А еще Каро была в Виндзорском дворце и обедала с королевой, — с чувством собственного превосходства добавила Холлис.

— Ты хочешь сказать, что Каро находилась в одном зале с ее величеством, но между ней и королевой сидело еще сто гостей, — предположил судья. Он отлично знал, как проходят эти изысканные приемы.

— Какая разница! Она там была, папочка, и встретила гостей из Алусии, так что теперь много чего о них знает. Я собираюсь выяснить, кому принц намерен предложить руку и сердце, и первой сообщить об этом в своей газете. Ты только представь! Обо мне заговорит весь Лондон!

Именно это больше всего и не нравилось судье Триклбэнку в истории с газетой. Он не хотел, чтобы о его дочери судачил весь Лондон.

Но сегодня был не совсем подходящий день для нотаций, поскольку его дочери без усталости носились по всему дому и были страшно заняты. К подобной суете судья не привык.

---

¹ Престижный район, который расположен на границе с Гайд-парком.

Сегодня должен был состояться королевский бал-маскарад, поэтому повсюду слышался шорох нижних юбок и шелка, а ноздри щекотал запах духов, когда дочери проходили мимо. Они с нетерпением ожидали, когда за ними прибудет четырехместный экипаж лорда Хока. Судье дали понять, что маски с посыльным уже прибыли в Хок-хаус, а Элиза с придыханием добавила: «От самой миссис Кьюбисон».

Судья не знал, кто такая миссис Кьюбисон.

И, честно говоря, он понятия не имел, каким образом Каро удалось заполучить приглашения на бал в Кенсингтонский дворец для двух *его* дочерей, — видит бог, у Триклбэнков не было необходимых связей, чтобы повернуть подобный трюк.

Девичье нетерпение чувствовалось в тех нервных смешках, которыми сопровождалась все их разговоры. Даже Поппи казалась нервной. Судья предполагал, что впоследствии с предстоящим балом будут сравнивать все балы в истории. Но он был благодарен Всевышнему, что из-за своей слепоты не может посещать балы.

Когда в дверь постучали, судья вздрогнул от визга и кутермы вокруг, догадавшись, что прибыл экипаж и его дочерям пришло время отправляться на бал.

Глава 2

В минувший четверг, в седьмом часу пополудни, в честь наследного принца Алусии в Кенсингтонском дворце был устроен маскарад. Организовал его герцог Мальборо, от имени самой монархини. Все алусианцы были в черных масках, совершенно не отличимых одна от другой, вследствие чего нелегко было выделить среди них самого наследного принца. Эта остроумная затея вполне, быть может, увенчалась бы успехом, если бы не длинный ряд юных англичанок, заветным желанием которых было оказаться представленными его высочеству.

Некая английская Кошечка (журфиксы¹ по средам у которой вызывают всеобщее восхищение) так увлеклась чашами пунша, что некий благородный Лис постоянно пребывал поблизости от нее, дабы не пропустить, когда даме понадобится какая-либо услуга. Действуя таким способом, он получил незаслуженное преимущество перед нею, как только оба оказались в королевской гардеробной. Едва Кошечка полностью осознала, какую цель преследует Лис, она потребовала сатисфакции и в награду была удостоена услуг сразу трех ливрейных лакеев, каковые проводили ее к ожидавшему экипажу. Пышный наряд Кошечки, к тому же щедро одаренной плотью, потребовал от лакеев при выполнении возложенного на них поручения таких замысловатых маневров, что с головы одного неудачника был сбит положенный ему парик.

*Дамская газета мод и домашнего хозяйства
г-жи Ханикатт*

---

¹ Прием гостей в определенный, заранее установленный день недели.

Когда ведешь такой незатейливый образ жизни, как Элиза Триклбэнк, никак не ожидаешь получить приглашение на бал, не говоря уж о том, чтобы повстречать принца. И все же ей каким-то образом удалось оказаться в длинной череде тех, кто жаждал быть представленной принцу без всякой протекции, только благодаря глотку пунша с ромом.

Элиза даже не могла сказать, с каким именно принцем она намерена познакомиться и сколько вообще принцев присутствует на балу. Она слышала, что в настоящее время в Англии пребывает, по крайней мере, два принца, но, насколько понимала дочь судьи, вокруг них могла толпиться куча народу.

С трудом верилось, что этот вечер и это мгновение имеют место быть в ее жизни. Да и сама мысль о том, что Элиза, возможно, будет представлена настоящему принцу, казалась неосуществимой, — а все началось всего несколько дней назад, когда Каролина заглянула на Бедфорд-сквер, где жили Элиза и ее отец.

Каролина принесла вести о бале, проведая о нем от уважаемой миссис Кьюбисон, модистки, которая и доставила с посыльным маски для них троих.

— Миссис Кьюбисон проговорила, что еще месяц назад ее наняли, чтобы сделать маски для гостей из Алусии. И она с помощницами работала *день и ночь*, чтобы выполнить их пожелания. — Расположившись у Элизы на кровати, Каролина говорила вздохом, не скрывая восхищения.

Холлис ахнула и потянулась за бумагой.

— Ни слова более, пока я не возьму карандаш...

— Вы не поверите тому, что я сейчас расскажу, — заверила их Каролина.

— Я верю каждому твоему слову.

— Полагаю, что довольно скоро правда выйдет наружу...

— Каро, ради всего святого, если ты не скажешь нам, о чем идет речь, мне самой придется вытрясти из тебя эту правду, — предупредила Холлис.

Каролина разразилась веселым смехом. Ей нравилось сердить Холлис, о чем Элиза не раз уже говорила своей сестре. Но Холлис упрямо отказывалась в это поверить.

— Ну хорошо, слушайте! Все маски *черные* и схожи как *две капли воды*.

Холлис с Элизой, не веря своим ушам, усталились на лучшую подругу, которая нарочито спокойно сложила руки за головой и скрестила ноги.

— Зачем? — Заметим, что, узнав об одинаковых карнавальных масках, Элиза почему-то удивилась.

— Чтобы наследного принца невозможно было отличить от остальных! — торжественно воскликнула Каролина.

Сейчас, оглядываясь вокруг, Элиза думала, что со стороны Алусии было крайне дальновидно заказать одинаковые маски, поскольку уловка сработала — она едва ли могла отличить одного гостя из Алусии от другого. Вокруг было множество высоких мужчин, облаченных в черные одежды и одинаковые черные маски — точно такие же, в какой был и мужчина, которого она повстречала в узком коридоре всего четверть часа назад.

Какой же странной была эта встреча! Впрочем, мужчины всегда казались ей странными, а особенно теперь, когда она, как и положено старой деве, смотрела на них издали. Эти мужчины могут быть такими бесцеремонными. Она поняла, что не смогла бы узнать этого человека в толпе одинаково одетых мужчин, даже если бы и захотела встретиться с ним еще раз. А у нее не было никакого желания. При этом женщин Алусии легко можно было различить по красивым платьям, хотя и на них были одинаковые черные маски.

Рассчитывая на то, что у нее будет время рассмотреть их всех, она вдруг поняла, что оказалась зажатой между дамами, на лицах которых красовались вычурные маски, созданные для этого бала-маскарада. Глядя на женщин, облаченных в шелка и муслин, расшитый идеальными стежками, Элиза понимала, что ее платье не такое красивое, как у остальных присутствующих дам. Откровенно говоря, оно

было куда проще и скромнее. Они с Поппи переделали его из двух платьев. Хорошо, что Поппи ловко управляется с иглой.

Как ни удивительно, но сама Элиза проявляла завидную ловкость в ремонте часов.

Ее платье из белого шелка и тарлатана¹ было усыпано голубыми цветами, ниспадавшими на три яруса юбок. Талия и рукава были украшены лентами, купленными за кругленькую сумму в лавке у мистера Ки. Декольте казалось неприлично низким, но Холлис заявила, что таковы последние веяния моды. А в ложбинке между грудями расцвел крошечный букетик из золотистых и голубых шелковых розочек.

— Золотой цвет очень подходит к твоим волосам, — подметила Поппи, когда вечером завивала и укладывала локоны Элизы, вплетая в них золотые листья.

— Не создается ли впечатление, что за вырез уронили дерн и на нем выросли цветы? — спросила Элиза, пытаясь поправить слишком откровенное декольте.

Поппи склонила набок свою темную головку и задумалась.

— Нет... не особенно. — Но голосу ее недоставало уверенности, и Элиза многозначительно взглянула на отражение в зеркале, давая понять своей собеседнице, что совершенно не поверила ее словам.

Холлис завершила, что маска Элизы — лучшая из трех масок, которые заказала Каролина у миссис Кьюбисон, а та, в свою очередь, если верить Холлис, считалась ведущей модисткой Лондона. Маска скрывала лоб и нос Элизы, а вокруг глаз были изображены золотистые завитки. С правой стороны лица маска резко поднималась вверх и закрывала полголовы.

— Венецианский стиль, — сообщила ей Холлис.

Элиза понятия не имела, что это за стиль, да и не было случая об этом узнать. Она была благодарна Каролине за приглашение и за невероятно щедрый подарок — карна-

---

¹ Жестко крахмаленная кисея.

вальную маску, но для практичной Элизы подобное казалось крайним расточительством. Из них троих именно Элиза лишь иногда выходила в свет. Она редко получала приглашение, и судья тут был совершенно ни при чем. И ей никогда прежде не доводилось бывать на бале-маскараде. Вот какая участь ждет старых дев, которые ухаживают за стариками, — они выпадают из поля зрения общества. Если бы не ее любимая сестра и невероятно известная подруга, она бы вообще никуда не выходила. Но даже в тех редких случаях, когда Элиза получала приглашения, она, как правило, была вынуждена учитывать пожелания отца.

Однако нынешним вечером Элиза превратилась в совершенно другого человека. Несмотря на то, что обычно от нее пахло древними книгами и судебными документами, сегодня она надушилась. Волосы ее были искусно уложены, хотя она привыкла кое-как собирать их на затылке. А взятые напрокат туфли, украшенные вышивкой, были не такими истоптанными, как те, что она носила каждый день. Благодаря кудеснице Каролине теперь она стояла в Кенсингтонском дворце в вечернем платье и с экзотической маской на лице. Признать, что этот бал стал для нее роскошным развлечением, было бы беззастенчивым преуменьшением. Элиза, настроенная вобрать в себя без остатка каждое мгновение этого праздника, была готова до конца дней своих носить в душе воспоминания о нем. Она уж точно не представляла себя в роли Золушки.

По крайней мере, пока не открыла для себя тайну роскошного королевского пунша с ромом.

Элиза хотела поделиться с Холлис и Каролиной секретом пунша с ромом, но подруг практически сразу же разделили толпящиеся у самого входа во дворец гости, приглашенные на бал. Элиза попыталась было догнать их, но ее продвижению помешали три дамы в нарядах Алусии, возникшие у нее на пути. Элиза просто была ослеплена их убранством: платья а-ля редингот, плотно сидящие по фигуре, со шлейфом! Девушке никогда в жизни не доводилось

видеть таких роскошных шлейфов, а еще она восхищалась тем, как эти шлейфы подобраны сзади и по бокам с помощью изящных зажимов.

— Можно только представить, сколько же стоит подобное убранство! — произнесла она и подняла голову, но обнаружила, что Холлис с Каролиной исчезли в головокружительном вихре женщин в бальных платьях и дорогих украшениях и широкоплечих мужчин в черных сюртуках и искусно сделанных масках.

Сначала Элиза отчаянно пыталась разыскать своих подруг. Ведь ранее ей не доводилось бывать на балах, что уж говорить о приеме, который, как она слышала, могут почитать своим присутствием королева и принц-консорт. Она понятия не имела, как себя вести.

Но толпа была настолько плотной, что не успела она и глазом моргнуть, как ее уже оттеснили к огромной королевской лестнице. Ей пришлось идти мимо фризов с изображениями людей, стоящих у балюстрады и наблюдающих за тем, как по ступеням поднимаются гости, и дальше по залу, опять мимо картин, искусно вырезанных на потолке медальонов и бесценных фарфоровых ваз на французских консолях, мимо позолоченных зеркал, из-за которых казалось, что во дворец набилось еще больше народа, хотя в действительности приглашенных тут было немало. Невозможно было вообразить, как много в Лондоне представителей высшего света, людей, которые были достойны того, чтобы получить приглашение на сей королевский бал.

Волна гостей, подхватившая ее, хлынула в бальную залу, и вновь Элиза едва не лишилась дара речи. По меньшей мере пятнадцать хрустальных люстр с тремя рядами сверкающих свечей свисали над головами танцующих. Потолок, казалось, парил в воздухе из-за огромных, от пола до потолка, окон. Стены залы украшали портреты достойнейших.

По обе стороны залы располагались скамьи, обитые красным бархатом, и женщины, сопровождаемые мужчинами,

присаживались на них, как будто они находились в парке или присутствовали на параде, в то время как остальные танцевали кадрили. В небольшой нише, находившейся высоко над уровнем пола, она разглядела музыкантов, которые жались на тесном пространстве практически плечом друг к другу; их смычки неистово порхали над инструментами, извлекая музыку, сопровождавшую головокружительный вихрь юбок и масок.

Настоящее волшебство. Сияющая, блестящая магия. Элизе даже пришлось ущипнуть себя, чтобы убедиться, что она не спит.

Когда они вошли в замок, ей дали бальную карту, и она решила, что, вероятно, необходимо отойти в сторону и прикрепить ее на запястье. Но ее отвлекли все эти люди вокруг, поэтому пришлось подниматься на носочки и вытягивать шею в тщетных попытках разглядеть, где же Холлис и Каролина. А, быть может, она не узнавала их в масках.

И в этот момент какая-то невысокая, тучная женщина в простой серой маске в тон седой копне волос неожиданно воскликнула:

— Вот ты где! — И указала на Элизу.

Элиза оглянулась, но, не увидев никого подходящего за спиной, вопросительно ткнула себя в грудь.

Женщина подозвала ее нетерпеливым жестом, а когда Элиза подошла ближе, выхватила ее бальную карту и неодобрительно поцокала языком.

— Ни на один танец не ангажирована! Чем же ты занималась?

Внезапно Элизе пришло в голову, что эта женщина, должно быть, одна из распорядительниц бала, о которых ее предупредила Каролина. В ее обязанности входило следить за тем, чтобы все бальные карты были заполнены и у всех незамужних девиц был партнер.

«Если не хочешь в итоге танцевать со старыми, плотоядно ухмыляющимися холостяками, лучше таких доброхоток избегать», — советовала ей Каролина.

Женщина неодобрительно фыркнула и велела Элизе протянуть руку. Привязав ей на запястье бальную карту, она указала на группу молодых женщин.

— Жди там, — повелительным тоном произнесла она и отвернулась, видимо, в поисках старого, пускающего слюни холостяка.

Элиза посмотрела на небольшую группу женщин, теснившихся в уголке, — пестрый цветник из девиц, оставшихся без кавалера. Одна из них дергала себя за рукав, пытаясь оторвать нитку. У второй была такая огромная маска, что девушке приходилось задирает подбородок, чтобы маска не упала. Быть может, Элиза и старая дева, но она не намерена присоединиться к ним.

Она украдкой взглянула на распорядительницу бала, которая отвлеклась на то, чтобы поругать очередную неудачницу, которой случилось оказаться без партнера. Хотя Элиза удивлялась тому, как платье и подходящая маска может в одно мгновение преобразить человека, она действительно чувствовала себя преображенной. Когда-то, давным-давно, она была послушной и стремилась всем угодить. Она верила, что именно так ведут себя молодые женщины, из которых получаются прекрасные жены. Вся ее прошлая жизнь свидетельствовала о том, что она слишком уж старалась. Так, например, мистер Ашер Дотон-Кресс попросил ее потерпеть и дождаться часа, когда он предложит ей руку и сердце, и она по наивности даже не стала задавать ему никаких вопросов. Она доверяла ему, не сомневалась в том, что он говорил ей. Кроме того, он не раз повторял, как безрассудно любит ее. Но потом, когда уже ничего нельзя было исправить и когда все, кроме нее, были в курсе, Элиза наконец узнала, что он ухаживает за другой женщиной.

Спасибо тебе, женщина с годовым доходом в двадцать тысяч фунтов.

Женщина, на которой он сейчас женат и с которой воспитывает трех прекрасных детей.

Это происшествие, которое весь Лондон обсуждал, как-жета, несколько недель кряду, послужило Элизе бесценным уроком. Во-первых, она решила, что больше никогда не позволит разбить себе сердце, потому что пережить подобное второй раз невозможно: ей хотелось умереть, у нее в голове не укладывалось, что один человек способен так беззащитно лгать другому, не испытывая угрызений совести. И, во-вторых, она дала себе зарок, что больше никогда не будет угождать другим исключительно ради того, чтобы кому-то понравиться. И сегодня вечером — в такой день! — она не намерена предупреждать чьи-либо желания. Вряд ли ей когда-нибудь еще представится возможность присутствовать на королевском балу, поэтому она не будет жаться в углу с этими девицами, которые ни у кого не вызывают симпатии, которых мужчины вынуждены приглашать на танец из вежливости или, что еще хуже, вокруг которых задерживаются старые, плотоядно ухмыляющиеся господа.

Она быстро огляделась и заметила лакея, скрывшегося за дверью, с трудом различимую на фоне стены. Стараясь избежать зоркого взгляда распорядительницы, она решительно двинулась к двери, до которой было рукой подать, и проскользнула туда прямо за лакеем, пока ее никто не остановил.

Оказавшись в довольно узком, где-то метр в ширину, коридоре, Элиза увидела, что на противоположной стороне имеется такая же потайная дверь. Стены в этом коридорчике были обиты панелями, а освещал помещение единственный висящий на стене канделябр.

Другими словами, всего десять минут спустя после того, как Элиза переступила порог изысканных залов Кенсингтонского дворца, она оказалась в коридоре для слуг. Неудивительно, что Каролина ранее настаивала на том, чтобы она держалась к ней поближе, чтобы не совершить какой-то неловкости.

Впрочем, Элиза не собиралась задерживаться здесь надолго. Просто она хотела избежать ненужного внимания распорядительницы, пока та отправилась вселять страх

в кого-то другого. Пока Элиза размышляла над тем, как долго это может продолжаться, внезапно распахнулась дверь в противоположном конце коридора. Вошел слуга, неся над плечом поднос с напитками. Он направлялся к двери, в которую она только что вошла, и, глядя прямо на нее, сказал:

— Вам не следует здесь находиться, мадам.

— Прошу прощения. В зале столько людей, не так ли? Я всего лишь на минутку. — Она сделала вид, что обмахивает лицо. — Клянусь, я с места не сдвинусь.

Слуга пожал плечами, протянул один из бокалов, стоящих на подносе.

— В таком случае, быть может, предложить вам бокал?

— А что это?

— Пунш.

Он распахнул дверь, ведущую в зал, и крошечное пространство коридора тут же наполнилось оглушительной какофонией голосов и музыки, но потом дверь за ним закрылась, и гул стих.

Элиза понюхала содержимое бокала. Сделала глоток. И тут же смело осушила бокал, выпив все до капельки, потому что пунш этот был просто *превосходен*. И в голове зашумело!

Через несколько секунд неожиданно вновь появился лакей и протянул почти пустой поднос, чтобы забрать ее бокал.

— Благодарю, — робко произнесла Элиза. — Было очень вкусно. — Она взяла еще один из оставшихся на подносе бокалов.

— Да, мадам. Туда щедро плеснули рома. — Он вышел через противоположную дверь, за которой Элиза услышала таинственный гул мужских голосов. И вновь все стихло.

Кто бы мог подумать, что ром может быть таким вкусным? Она уж точно не предполагала. Ей понравилось то мягкое тепло, которое распространялось по всему телу. То самое тепло, которое она ощущала по ночам, когда отходила ко сну или принимала горячую пенистую ванну. Но, с другой стороны, нынешнее тепло было совершенно иного рода.

Когда спустя минуту вновь появился лакей с полным подносом, Элиза с радостью схватила очередной бокал. Она закатила глаза, когда он вопросительно приподнял бровь, а потом вновь исчез за дверью.

Она сделала глоток, блаженно опустила веки и, чувствуя, как тепло разлилось по рукам и ногам, сама себе радостно призналась:

— Очень вкусно.

Позднее она решила, что именно благодаря игристому теплу рома ей удалось не испугаться, когда дверь с противоположного конца коридора приоткрылась на несколько сантиметров, как будто стоящий с той стороны замер на пороге. Она с любопытством прислушалась к мужским голосам и поняла, что они разговаривают на алусианском языке, как вдруг дверь резко распахнулась и в полутемный коридорчик шагнул мужчина в алусианских одеждах.

Дверь тут же закрылась у него за спиной.

И Элиза с человеком в маске остались наедине.

Он едва заметно склонил голову влево, как будто сомневался в том, что действительно видит перед собой. Она, в свою очередь, смотрела на него с не меньшим любопытством. Создавалось впечатление, что он заполнил весь коридорчик, который показался настолько маленьким, что Элиза почувствовала себя так, как будто ее вжали в стену. Но благодаря выпитому рому внутри нее бурлили веселье и беззаботность, и, опираясь на стену, она даже умудрилась сделать реверанс, пусть и немного с перекосом вправо.

— Здравствуйте! — произнесла она с улыбкой.

Алусианец промолчал.

Она решила, что, скорее всего, он не говорит по-английски. Или, быть может, слишком скромн. Если он был болезненно застенчив, значит, заслуживал ее сочувствия. Элиза вспомнила одну из своих подруг — у той очень сильно болел живот в те дни, когда ей приходилось бывать в обществе. Сейчас она замужем, мать шестерых детей. По всей видимости, больше она не избегает общества.

Элиза подняла свой бокал, помахала им перед незнакомцем как маятником.

— Вы уже пробовали пунш?

Он посмотрел на ее бокал.

— Очень вкусно, — завершила она и отпила из бокала. Наверное, добрую половину. И тут же захихикала от своей бестактности. Она забыла практически все, что знала о поведении в приличном обществе, но была уверена, что на человека, который пьет или ест с жадностью, смотрят с осуждением.

— Я и не представляла, что у меня так пересохло в горле.

Он по-прежнему молча смотрел на нее.

— Наверное, язык не понимает, — пробормотала Элиза себе под нос. — Вы говорите по-английски? — отчетливо произнесла она каждое слово, показывая на свои губы.

— Разумеется.

— Ой! — Ничего себе! Элизе было невдомек, что могло заставить джентльмена молчать, если он прекрасно понял все, что ему говорили, но ее все же больше заботил запропастившийся куда-то лакей, а не стоящий напротив незнакомый алусианец. — Вы в зал? — поинтересовалась она, указывая на дверь.

— Пока нет.

У этого чисто выбритого здоровяка с густыми волосами цвета табачных листьев и безупречным шейным платком был красивый акцент. Элизе он показался чем-то средним между французским и еще каким-то. Быть может, испанским? Нет-нет, здесь что-то другое.

— Как вы находите Лондон? — Ее несколько не интересовали его впечатления, но казалось неприличным тарашиться на джентльмена, когда они оказались наедине в узком коридоре, и, по крайней мере, не попытаться завести светскую беседу.

— Город прекрасен, благодарю.

Дверь за его спиной резко распахнулась и немного задела незнакомца. В коридор протиснулся лакей.

— Прошу меня простить, — почтительно поклонился он алусианцу. Элизе показалось любопытным, что лакей даже не предложил алусианцу пунша, а прошел мимо, забрал у Элизы ее пустой бокал и предложил еще один.

— О боже! Мне уже хватит! — воскликнула она, но не удержалась.

Лакей направился далее в залу.

Все это время алусианец смотрел на Элизу, как она обычно смотрит на говорящих попугаев, которых время от времени приносят на рынок в Ковент-Гарден.

Наверное, ему было интересно, что она пьет.

— Желаете отведать? — спросила она.

Незнакомец взглянул на ее бокал. Шагнул ближе. Настолько близко, что ее юбка коснулась его ног. Чуть подался вперед, как будто пытаюсь разглядеть, что же налито в ее бокале.

— Ромовый пунш, — сказала Элиза. — До этого вечера мне никогда не доводилось пробовать ромовый пунш, но я намерена прямо сейчас исправить это упущение. Вот увидите. — Она подняла бокал, дразня его.

Он посмотрел на нее, и Элиза заметила, какого же невероятно зеленого цвета его глаза: бледно-зеленые, как дубовая листва ранней осенью в ее саду. И эти дивные очи, обрамленные густыми, длинными ресницами. Она чуть выше подняла бокал и весело улыбнулась, потому что ни секунды не сомневалась, что он будет настолько дурно воспитан, чтобы взять ее бокал.

Но незнакомец удивил Элизу. Он взял ее бокал, мимоходом коснувшись ее пальцев. Она в изумлении наблюдала, как он подносит бокал к своим губам и делает глоток. Потом он достал из кармана сюртука носовой платок, вытер бокал в том месте, где касался его губами, и отдал назад владелице.

— Йе, очень вкусно.

Ей понравилось, как его голос окутывал ее, едва касаясь кожи.

— Хотите, возьмем и вам бокал? У меня тут знакомый лакей, — вновь улыбнулась она.

В ответ на ее предложение он лишь едва заметно покачал головой.

Продолжая разглядывать это прекрасное создание, Элиза сделала очередной глоток пунша и спросила:

— А почему вы здесь, а не в зале?

Над маской удивленно взметнулась бровь.

— Тот же вопрос я мог бы адресовать и вам.

— Так уж случилось, сэръ, что у *меня* на то есть веские причины. Распорядительница бала недовольна моей бальной картой.

Взгляд зеленых глаз скользнул на ее декольте, и от этого пронзительного взгляда Элизе стало жарко.

— Я не очень-то хорошо танцую, — призналась она. — Каждый талантлив по-своему, но танцы не мой конек. — Она засмеялась, потому что ей показалось смешным признаваться в таком непростительном грехе совершенно незнакомому человеку. Воистину ромовый пунш творит чудеса.

Алусианец подошел совсем близко — нижние юбки ее платья зашелестели от прикосновения его ног. Перевел взгляд на маску, завиток которой огибал голову.

— Осмелюсь предположить, что вы бы хотели поведать мне о своем собственном *таланте*, — сказал он, выделяя последнее слово.

То ли от рома, то ли от низкого мужского голоса Элиза ощутила, как ее бросило в жар и закружилась голова. Ей необходимо собраться с мыслями. А какой же у нее талант? Чинить часы? Вышивать? Или ее талант заключается в таких приземленных вещах, как ухаживать за больным отцом? Элиза не сомневалась, что ее сестра с подругой были бы повергнуты в ужас, если бы она призналась в этом незнакомому джентльмену. Впрочем, сейчас она все равно не могла говорить — под его пронизывающим взглядом Элиза моментально потеряла дар речи и немного размякла.

Нет, неправда. Она размякла из-за пунша.

Он окинул ее взглядом с головы до ног, начиная от завитка на маске, потом спускаясь к губам, декольте с нелепым букетиком цветов и далее к талии. Когда он вновь поднял голову, в глазах у него потемнело, они блеснули так, что кровь в жилах Элизы превратилась в обжигающую реку. Показалось, что в коридорчике нечем стало дышать, и ей захотелось спрятаться за бокалом и пить воздух маленькими глотками, поскольку она уже не была уверена в том, что не оступится и не сделает чего-то предосудительного. Например, не прикоснется к его лицу. У нее возникло непреодолимое желание коснуться кончиками пальцев его высоких скул.

Не сводя глаз с ее губ, он произнес:

— Вы бы не хотели поделиться со мной своим талантом?

— Нет, не хотела бы, — выдавила она.

Взгляд его опустился ниже, задержавшись на букетике золотых цветов у нее между грудей.

— Вы уверены? Я бы хотел услышать от вас об этом.

Он пытался соблазнить ее! Как тревожно, как забавно, но одновременно так глупо.

— Все ваши попытки, какими бы выдающимися они ни были, не сработают, — горделиво заявила она. — Меня не так-то легко соблазнить. — На самом деле все это было откровенной ложью. Уже очень давно никто не предпринимал попыток соблазнить ее, и сейчас, несмотря на то, что она оказалась затиснутой в узком коридорчике и вряд ли мечтала о том, чтобы ее соблазнили в столь непристойном месте, такое начало бала ей скорее нравилось. И она ощущала от этого приятное волнение.

К счастью, Элиза надеялась, что ей, по крайней мере, хватит разума понять: не следует опускаться до того, чтобы ее соблазнил совершенно незнакомый человек.

Мужчина почти незаметно приблизился, и его мощное желание как будто окутало ее, отрезая путь к побегу. Он поднял руку и бесстыдно, медленно и легко коснулся пальцем ее ключицы, отчего у нее по всему телу пробежала дрожь.

— Разве вы не этого хотели? Чтобы вас с легкостью соблазнили в темном коридоре?

Элиза фыркнула в ответ. Нелепая самоуверенность мужчин, которые искренне верят, что если к ним приближается женщина, то исключительно для того, чтобы ее соблазнили!

— Я *хотела* выпить пунша и не попасться на глаза распорядительнице бала. — Она обхватила пальцами его запястье и оттолкнула руку мужчины. — Вы слишком много возомнили о себе, сэр. Но мне придется объяснить вам: если женщина просто прячется в коридоре и потягивает ром, это не значит, что она жаждет от вас авансов.

Он самодовольно усмехнулся.

— Вы, наверное, удивитесь моему вопросу, но я все равно спрошу: «Что еще за причины могут заставить женщину затаиться в этом узком коридоре?»

— Я могла бы назвать вам сотню причин. — Однако же в голову приходила только одна. — Я отлично себя знаю и никогда бы не позволила соблазнить себя в коридоре. Поэтому, если не возражаете, прошу вас отойти в сторону.

Он вновь скользнул взглядом по ее фигуре и отступил в сторону.

Элиза сделала глоток пунша, как будто ее ничуть не заботило происходящее, но в действительности казалось, что кожа ее горит. И пульс участился. А где-то на краю сознания проскакивала мысль, что она слишком практична. Этот высокий алусианец с удивительными глазами притягивал ее, как магнит. У кого же возобладает холодный разум? Она совсем не возражала против того, чтобы ее поцеловали на королевском балу... но, с другой стороны, ей не хотелось рисковать и тем более не хотелось, чтобы ее вышвырнули с бала до того, как она встретит принца.

Хвала Всевышнему, дверь распахнулась, и вошел еще один алусианец. Но, увидев Элизу, он резко остановился от удивления. Он посмотрел на незнакомца и заговорил на своем языке.

Высокий алусианец что-то негромко ответил, обошел Элизу, как будто и не было между ними недавнего разговора, и направился в зал, даже не попрощавшись.

Дверь закрылась за его спиной.

Но тут же с противоположной стороны распахнулась другая дверь, в очередной раз вошел лакей с очередным подносом напитков.

— Мадам, вам нельзя здесь находиться, — напомнил он ей.

— Уже ухожу, — ответила Элиза и с бокалом пунша направилась за алусианцами в зал.

Она тут же заметила распорядительницу бала, которая, подобно коршуну, с высоты обозревающему долину, оглядывала бальную залу. Поэтому Элиза поспешно отвернулась и тут же отошла подальше от группки ожидающих приглашения на танец девиц. Она обошла зал по кругу, а когда остановилась и огляделась, обнаружила, что находится в толпе каких-то женщин. Среди какого-то собрания. Со стороны это было похоже на то, что две женщины постарше загоняли молодых женщин, будто пара породистых овчарок.

Вот так Элиза и оказалась в длинной череде девиц, которых намеревались представить принцу.

Она не сразу это поняла: слишком была поражена молодостью и красотой собравшихся. Все были облачены в красивые платья и маски и, в отличие от жавшихся у стен остальных девиц, держались с заметной уверенностью. Вот такая компания ей подходит!

Элиза подумала, что, наверное, следует избавиться от четвертого бокала ромового пунша, чтобы от этого пьянящего напитка не развязался язык, — если, конечно, уже не поздно. И когда она подалась вперед, чтобы выглянуть из толпы, ей на глаза попала группа алусианцев. Как любопытно! Элиза хлопала по мраморному плечу высокой худощавой девушки, стоящей прямо перед ней.

Та обернулась. У нее были темные волосы, на лице — искусно сделанная маска из павлиньих перьев, которые мастерски

были уложены вокруг глаз. Сине-зеленые павлиньи перья были в тон ее синему убранству. Девушка с явным неудовольствием посмотрела на Элизу сквозь прорези маски.

— Прошу прощения, но кто эти люди? — поинтересовалась Элиза, кивая в сторону мужчин.

Девушка недоуменно уставилась на нее.

— Я полагаю, что лучше задать вопрос, кто вы такая, милочка? — резко ответила она.

— Элиза Триклбэнк. — Она сделала реверанс. — Рада нашему знакомству...

— Вам здесь не место, — оборвала ее незнакомка. — Здесь очередь исключительно для избранных гостей. Вас должна была внести сюда леди Мальборо. Вас леди Мальборо приглашала?

Элиза имела дерзость засмеяться. Неужели, чтобы оказаться в этой очереди, необходимо получить особое приглашение? Но Пава нахмурилась, поэтому Элиза ответила:

— Разумеется! — И фыркнула вдобавок, как будто ей было смешно слышать подобные вопросы.

— Неужели? — холодно отреагировала собеседница.

— Смею вас уверить, — подтвердила Элиза. — Она велела встать здесь, прямо за вами.

Казалось, что Пава ей не поверила, но тем не менее не стала продолжать этот разговор. Она отвернулась от Элизы и начала шептаться со своей компаньонкой.

Неужели действительно необходимо получить *приглашение*, чтобы встать в очередь? Откровенно говоря, Элизе не верилось, что кому-то нужно становиться в очередь, дабы быть представленным, если только тот, кому должны представить, не крайне важная особа. Или невероятно богатая. Важная, богатая и раздающая деньги мешками. Вот в *такой* очереди она совсем не против постоять.

Или же здесь ожидали быть представленным королеве или еще кому-то королевской крови...

Внезапно Элизу осенило, как будто она увидела вдали маяк, освещающий путь. *Ну конечно же!* Она вновь подалась

вперед. Алусианцев, облаченных в тончайшей шерсти черные сюртуки и белые жилеты, в одинаковых масках, можно было различить только по цвету волос. Да и цвет волос при ближайшем рассмотрении оказался похож — темно-золотистого цвета, хотя и различного оттенка. Совсем как волосы у того незнакомца в коридоре. К тому же роста они были одного. Только один из них был на пару сантиметров выше остальных. И, что самое удивительное, все были гладко выбриты. А Каролина ранее утверждала, что принц носит бороду.

Должно быть, это младший брат! Она сейчас стоит в очереди, чтобы быть представленной одному из алусианских принцев! Элиза была вне себя от счастья, ей хотелось смеяться, и она, не в силах стоять на месте, постоянно оглядывалась по сторонам, отчаянно пытаясь разглядеть свою сестру, которая никогда не простит Элизе, если та *познакомится* с принцем, а сама Холлис — нет.

Но Холлис нигде не было видно, поэтому Элиза сделала добрый глоток пунша и вновь тронула за плечо стоящую впереди даму. Та нетерпеливо обернулась.

— Ну что еще?

— Там что, *принц* стоит?

Даже несмотря на красивую маску, было видно, как Пава закатила глаза.

— Господи, мисс Триклбэнк. Вы недвусмысленно продемонстрировали, что вас сюда *не* приглашали. Вам лучше покинуть эту очередь, пока вас не заметила леди Мальборо. — И Пава решительно повернулась к Элизе спиной.

Но Элиза не собиралась никуда уходить, уж точно не *сейчас*, когда до принца было рукой подать. И поскольку она не знала, куда поставить свой бокал с пуншем, продолжала потягивать напиток. А пока очередь медленно двигалась вперед, развлекала себя тем, что рисовала в воображении, как же ее представят. Мисс Элиза Триклбэнк. Мисс Элиза Триклбэнк. Мисс Элиза *Триклбэнк* из Бедфорд-сквер Триклбэнк. Не путать с Чипсайд Триклбэнк, поскольку после смерти ее деда в семье наметился раскол.

Она наклонилась, чтобы выглянуть из-за толпы дам и рассмотреть джентльменов. Тот, что стоял посередине, казался на удивление знакомым.

Нет! В душе зашевелились нехорошие предчувствия. Быть такого не может! Или может? Господи, так и есть! Именно *этого* мужчину она встретила в узком коридоре. Неужели ее пытался *соблазнить* сам *принц*? Холлис от изумления лишится чувств. Да и сама Элиза тоже. Он пил из *ее* бокала! Сам *принц*! Молодой *принц*...

Нет-нет. Быть такого не может, внезапно осознала она. Это был сам *наследный* принц, тот самый, который намерен найти себе партию. Это должен быть он — зачем еще всем этим дамам толпиться, подобно овечкам, в ожидании, когда их представят?

Неожиданно ей стало трудно дышать. Подумать только — она была наедине с *наследным принцем*! Они едва не поцеловались! Их губы почти соприкоснулись! С самым *наследным принцем*!

Она сделала глубокий вдох, призывая себя успокоиться.

Откровенно говоря, сейчас он показался ей несколько скованным. От него уже не исходила та горячая волна, которую она ощутила в коридоре, как и не выплескивалась из берегов его мощная притягательность. Казалось, сейчас его сдает скука. Элиза подумала, что ему следовало хотя бы попытаться быть более радушным, если он намерен найти себе супругу. Тем не менее она великодушно оставляла за ним презумпцию невиновности: быть может, подобная зажатость — результат больной спины после конной прогулки. Или военного ранения. Разве ее отец не упоминал какие-то стычки с вестрианцами?

Какова бы ни была причина, его явно тяготила церемония представления. В отличие от очень восторженного худощавого мужчины, который старался вовсю, подводя к нему молодых дам. Последний был поменьше ростом и с готовностью улыбался каждой гостье. Двигался он странно, и Элиза заметила, что одну руку в перчатке он прижимает к туловищу. Ка-

Літературно-художнє видання

ЛОНДОН Джулія
Заміж за принца

Роман
(російською мовою)

Головний редактор *С. І. Мозгова*
Відповідальний за випуск *О. М. Шелест*
Редактор *С. М. Губська*
Художній редактор *А. О. Попова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *М. Г. Бєднік*

Підписано до друку 20.03.2020.
Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Minion». Ум. друк. арк. 20,16.
Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61001, м. Харків, вул. Б. Хмельницького, буд. 24
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у АТ «Харківська книжкова фабрика «Глобус»»
61052, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

ЛОНДОН Джулия
Замуж за принца

Роман

Главный редактор *С. И. Мозговая*
Ответственный за выпуск *О. Н. Шелест*
Редактор *С. М. Губская*
Художественный редактор *А. О. Попова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *М. Г. Бедник*

Подписано в печать 20.03.2020.
Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Minion». Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61001, г. Харьков, ул. Б. Хмельницкого, д. 24
E-mail: corp@bookclub.ua

Отпечатано в АТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61052, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57

e-mail: trade@ksd.ua

Приглашаем к сотрудничеству авторов

e-mail: publish@ksd.ua

Себастьян, наследный принц Алусии, приїжджає до Англії, щоб підписати торговельну угоду та знайти собі наречену. На балу-маскараді він зустрічає чарівну особу — Елізу, дочку судді. Однак під час першого знайомства блискавка кохання не спалахнула в їхніх серцях. І доля, можливо, розлучила їх назавжди, якби не загадкове вбивство особистого секретаря принца. Себастьян та Еліза опиняються в самому центрі подій. Принц розуміє, що його тягне до цієї красивої, розумної та гордовитої дівчини. До тієї, яка змогла розгледіти в ньому не тільки наследного принца й вигідну партію, а й чоловіка, який відчайдушно мріє про кохання...

Лондон Дж.

Л76 Замуж за принца : роман / Джулия Лондон ; пер. с англ. И. Паненко. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2020. — 384 с.

ISBN 978-617-12-7679-6

ISBN 978-1-335-04153-1 (англ.)

Себастьян, наследный принц Алусии, прибывает в Англию, чтобы подписать торговое соглашение и найти себе невесту. На балу-маскараде он сталкивается с очаровательной особой — Элизой, дочерью судьи. Однако во время первого знакомства искра любви не вспыхнула в их сердцах. И судьба, возможно, развела бы их навсегда, если бы не загадочное убийство личного секретаря принца. Себастьян и Элиза оказываются в самом центре событий. Принц замечает, что его тянет к этой красивой, умной и гордой девушке. К той, которая смогла разглядеть в нем не только наследного принца и завидную партию, но и мужчину, отчаянно мечтающего о любви...

УДК 821.111